

ВЕСТНИК

Тульской Духовной Семинарии

Православная газета

Издаётся по благословению

Митрополита Тульского и Белевского

Алексия

Ноябрь, № 11, 2011 г.

Распространяется бесплатно

Светильник благодати

9 декабря 2011 года исполняется 15 лет со дня кончины старца схиархимандрита Христофора. Спецвыпуск «Вестника Тульской Духовной семинарии» мы посвящаем памяти отца батюшки. Мы вновь обращаемся к драгоценным свидетельствам, к воспоминаниям людей, знавших о. Христофора, к видеоматериалам и интервью, записанным при его жизни...

И не перестаем удивляться – сколько людей за годы своего пастырства привел батюшка к вере, к Богу, в Церковь!

Когда думаешь о нем, приходят на память слова святого апостола Павла, которые он обратил к римским христианам: «Живем ли мы, для Господа живем, умираем ли, для Господа умираем». Это и есть то свидетельство, которое отец Христофор пронес через всю свою жизнь, во всех ее непростых внешних обстоятельствах.

«Господи, научи меня творить волю Твою!» – этой наукой была полна жизнь старца Христофора, и он умел ею щедро делиться. Те, кто окружали батюшку, видели, что пастырское слово его не расходится с реальным опытом его жизни...

Не гаснет любовь к старцу Христофору в людях, при его жизни получавших наставления батюшки. Они и сегодня

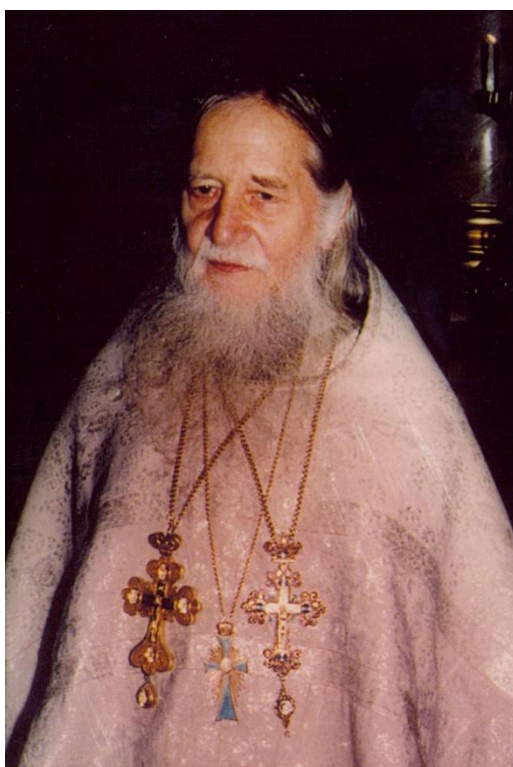
свидетельствуют: когда трудно, когда не знаешь, как поступить, приезжают на его могилку. Заказывают панихиду, молятся. И

сложная ситуация как-то разрешается, приходит помощь, облегчение. Явное присутствие старца Христофора в своей жизни, участие его ощущают его духовные чада.

Молитва была его любовью. Многим он таким и запомнился – человеком молитвы. Молился батюшка со слезами. От людей он старался это скрывать, и догадаться об этом можно было по мокрому круглому коврику, протертому от бесчисленных поклонов.

Он считал себя великим грешником и частичкой нашей великой, грешной России...

Каждый год в день памяти старца Христофора идет и едет в Венев-монастырь народ, и горят на могиле батюшки свечи...

Схиархимандрит Христофор (Никольский)

Идеал пастыря

Отец Христофор (Евгений Леонидович Никольский) родился 3 февраля (16 февраля по новому стилю) 1905 года в семье священника в селе Семеновке Липецкого уезда Тамбовской губернии (ныне село Плеханово Грязинского района Липецкой области).

Первыми наставниками стали для него родители – отец, протоиерей Леонид, и мать, Клавдия Семёновна. Они горели любовью к Богу и людям – много времени проводили в молитвах, принимали странников, кормили нищих, помогали односельчанам. Видя перед собой этот пример, Евгений с детства понял, что молитва – это труд, постоянное предстояние перед Богом.

Мать о. Христофора дожила до глубокой старости и незадолго до смерти приняла монашество с именем Мария. Отец Христофор очень её любил, и где бы ни служил он на приходах, всегда она жила при нём, сама обшивала батюшку, и до его смерти сохранилось белье, сшитое её руками.

Начальное образование, как писал отец Христофор в своей автобиографии, он получил в сельской школе. После этого он поступил в гимназию, находившуюся в городе Лебедяни (Липецкой области), где проучился семь лет, заканчивая уже преобразованную из гимназии Единую Трудовую школу 2-й ступени. Затем он продолжил образование в Воронежском индустриальном техникуме, где получил профессию техника по электротехнической специальности, которой посвятил 20 лет своей жизни. В 1927 году, по окончании техникума он был командирован в Калугу для стажировки. В этом городе и прошла его трудовая деятельность.

До начала 1947 года Евгений Леонидович Никольский трудился на разных ответственных должностях в электротехнической отрасли, как он сам написал впоследствии, «отдав Родине свой труд и здоровье, и самые лучшие годы жизни». В 1930 году в результате несчастного случая он получил инвалидность. Во время

войны несколько месяцев исполнял обязанности главного инженера Калужской ЦЭС.

С 1 января 1947 года Евгений Леонидович Никольский уволился по собственному желанию с должности начальника техотдела ЦЭС, «пожелав посвятить вторую половину своей жизни Святой Церкви, к которой от детских лет имел любовь и призвание».

Живя в Калуге, Евгений Леонидович многие годы был усердным прихожанином Николо-Козинской церкви, где пел на клиросе и помогал в алтаре. Но в те годы в Калужской епархии не было «вакантных мест» священников, и потому по ходатайству Владыки Онисифора, епископа Калужского и Боровского, будущий пастырь приезжает в Тульскую епархию.

Вот как писал о нем Калужский архиерей в письме к Тульскому Владыке Антонию (Марценко):

«Ваше Высокопреосвященство, возлюбленный о Господе собрат Владыка Антоний!

Усердный посетитель служб церковных и певчий церковного хора в последнее время, Евгений Леонидович Никольский, «...измлада Священное Писание умеющий», благоговейно настроенный, после больших стараний освободился наконец от гражданской службы и имеет огненпальное желание послужить Церкви Божией в священном сане.

Так как в Калужской епархии свободных священнических мест нет и в скором времени не предвидится, то я решаюсь рекомендовать его вниманию Вашего Высокопреосвященства с покорнейшей просьбой: предоставить ему священническое место в Тульской епархии.

Вашего Высокопреосвященства собрат и сосед епископ Калужский Онисифор, 1947 г. 15/28 января, г. Калуга».

Подобным образом характеризовал Евгения Леонидовича Никольского и настоятель Николо-Козинской церкви города Калуги протоиерей Григорий Лысяк. Он писал о своем прихожанине, что тот,

«усердствуя в клиросном пении за богослужениями в Николо-Козинском храме города Калуги, проявил себя мужем добрым и благочестивым. В его отношении к храму сказывалась не только любовь к храму и богослужению, но проявлялась его забота подготовить себя для будущего служения Церкви Божией в сане священника».

С такими сопроводительными письмами и прибыл Е. Л. Никольский в Тульскую епархию. Здесь, «будучи проверен в Тульском облисполкоме Уполномоченным по делам Р.П.Ц.», был назначен Тульским архиепископом сначала на место псаломщика (в сане диакона) в храм Успения Пресвятой Богородицы села Себино Елифанского района.

В сан диакона отец Евгений был рукоположен 16 февраля (в свой день рождения) 1947 года в Тульском кафедральном Всехсвятском соборе архиепископом Антонием (Марценко). 6 июля 1947 года он был рукоположен в сан пресвитера в храме Успения Пресвятой Богородицы города Богородицка, и в течение трех недель, до 26 июля, проходил здесь практику иерейского служения, после чего с 26 июля 1947 года назначен на должность псаломщика при храме Александра Кипрского в село Ченцово Заокского района (с исполнением пастырских обязанностей), а с 1 сентября того же года – на должность настоятеля этого храма.

В селе Ченцово отец Евгений прослужил до 1955 года. Определением Тульского архиепископа от 14 февраля 1955 года он был назначен настоятелем Покровской церкви в поселок Чернь, а оттуда, по окончании ремонта храма, был переведен в село Куркино, настоятелем св. Иоанно-Богословского храма, где приступил к трудам по восстановлению трапезного храма, в котором прежде располагался склад Куркинского райпотребсоюза.

После перевода священника Никольского в другой храм прихожане и церковный совет Александровской церкви села Ченцово обращаются к Тульскому архиерею с

письмом, в котором просят вернуть им, «сиротам, нашего отца духовного», ибо без него «опустел, осиротел наш святой храм»... За такое рвение любящих его прихожан священник Евгений Никольский определением архиепископа Антония от 25 января 1956 года ... «согласно 55 правила апостольского запрещается в священнослужении». На время «определяется ему клиросное послушание в соборе».

4 февраля 1956 года отец Евгений назначен настоятелем Иоанно-Богословской церкви в поселке Куркино, 6 октября 1956 года – настоятелем Иоанно-Предтеченской церкви в Елифани. 19 ноября 1956 года – настоятелем Никольской церкви села Венев-монастырь.

В октябре 1956 года священник Евгений Никольский назначается благочинным церковей сел Себино, Куркино, Любимовка и Осиново.

5 ноября 1956 года отец Евгений Тульским архиепископом Антонием возводится в сан протоиерея «за усердное трудолюбие по капитальному ремонту Покровской церкви поселка Чернь и за восстановление трапезной Иоанно-Богословской церкви в поселке Куркино».

21 января 1958 года протоиерей Евгений Никольский становится настоятелем Всехсвятского кафедрального собора города Тулы. 19 октября того же года он пострижен в монашество с именем Евлогий и возведен в сан архимандрита.

Этому событию предшествует «смирнейшая просьба» протоиерея Евгения Никольского «Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Антонию, Архиепископу Тульскому и Белевскому». Приведем полностью ее содержание:

«Дорогой Владыко! С ранних лет я дал обет девства. Преосвященным Архиепископом Антонием (Марценко) рукоположен в сан священника целибатом. Под Вашим руководством я служу уже пятый год и неоднократно с радостью выполнял самые разнообразные и ответственные послушания. Теперь прошу Вас, как родного отца и своего благодетеля, постричь меня в

монахи, чтобы остальные годы своего земного пребывания всецело посвятить на служение Господу Богу. Да будет Его Воля Святая! Искренне преданный вам Ваш сын протоиерей Евгений Никольский. 2 октября 1958 г.»

В «Почтительнейшем рапорте» Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию Тульский архиепископ, излагая просьбу протоиерея Евгения Никольского о пострижении в монашество, пишет: «Протоиерей Евгений Никольский – человек редких добрых качеств. Я впервые встречаю такого ревностного и глубоко верующего пастыря. В течение четырех с половиной лет своего пребывания в Туле я поручал ему самые разнообразные и ответственные послушания, в связи с ремонтами церквей и неурядицами в приходах, и он разумно, честно и добросовестно выполнял их. Вполне уверен, что его просьба исходит от чистого сердца, от всей души. Среди верующих он пользуется большой любовью и уважением. Протоиерей Никольский – идеал пастыря».

Настоятелем кафедрального собора архимандрит Евлогий служил до 1960 года, позже был освобожден от настоятельства. С 1 марта 1969 года по распоряжению епископа Варфоломея он становится духовником Тульской епархии.

30 августа 1971 года архимандрит Евлогий назначен настоятелем храма великомученика Димитрия Солунского в Туле. 14 июля 1983 года – настоятелем храма Двенадцати Святых Апостолов. 6 марта 1985 года, когда батюшке уже исполнилось 80 лет, митрополит Герман назначил его Почетным настоятелем Димитровского храма, каковым он и оставался до своей кончины.

В 1992 году архимандрит Евлогий принял схиму с именем Христофор.

А еще в 1953 году священник Евгений Никольский подал прошение на имя ректора заочного сектора при Ленинградской Духовной Академии и семинарии и был принят в число заочников на IV курс семинарии. Однако перегруженность в работе по ремонту храмов и исполнению пастырских обязанностей не позволила батюшке «аккуратно выполнять задания по учебе», и, несмотря на неоднократные ходатайства о нем перед начальством семинарии правящего архиерея, отец Евгений вынужден был оставить учебу.

В 1963 году архимандрит Евлогий был награжден открытием Царских врат до Херувимской; в 1985 году – Патриаршим Крестом.

Ходатайством и молитвами схиархимандрита Христофора был прославлен, причислен к лику святых блаженный Иоанн Котельников и обретены его святые мощи. Батюшка участвовал в обретении честных мощей преподобного Амвросия Оптинского. Его стараниями возобновлено почитание святой блаженной Евфросинии и восстановлен храм в Колюпаново.

9 декабря 1996 года последовала блаженная, мирная кончина схиархимандрита Христофора. Погребение совершил митрополит Серапион с сонмом братьев подвижника – пастырей всей Тульской земли и многочисленных его духовных чад из других епархий. Старец Христофор похоронен, по его завещанию, возле алтаря Никольского храма Венева монастыря.

«Я видел монаха...»

Митрополит Волгоградский и Камышенский Герман

...Отец Христофор такой безропотный был человек. Владыка Антоний Кротевич отправил его, тогда еще отца Евлогия, в Куркино, и говорит: «Ты, батюшка,

восстанавливай там храм, а я тебе помогу. Когда надо будет, приходи, средства дам». Поехал он, собрал мастеров, начались восстановительные работы. А денег-то нет! И

вот он пошел к Владыке и говорит: «Владыко, мы уже начали работать, надо расплачиваться за материалы, с рабочими». А Владыка ему: «А что ты ко мне пришел? Тебе что здесь, сберкасса, что ли?» «Ну, благословите», – и пошел. Но Бог послал ему помощь. Он ведь Божий был человек, вот Бог ему и посылал. Добрые люди нашлись, и храм он в Куркино восстановил...

...Куркинское начальство как-то его пригласило, – тогда еще в деревнях мужики были, сейчас их уже нет почти; старого воспитания мужчины, но – коммунисты. Беседуют с ним о том, о сем, а потом говорят: «А что у вас вид такой некультурный – с бородой, с длинными волосами?..»

«А это вы камешки в другой огород кидаете, – отвечает батюшка, – вон у вас Карл Маркс, смотрите, какой бородатый...»

...Отец Христофор был смиренный. Он даже соглашался со мной ездить, я его приглашал на свое прежнее местожительство. До Тулы я был епископом Виленским и Литовским, и там у меня остался дом в маленьком курортном городке Паланга. Мы туда с отцом Христофором несколько раз ездили. Молиться он любил; и мы почти каждый день совершали Божественную литургию. Он любил служить; я ему предлагал служить, а сам молился...

Когда я уже был в Германии, он через людей передавал: «Пусть Владыка Герман продаст дом в Паланге и купит в Туле». А я не продавал. А он при этом говорил: «Ну, если не продаст, то все бросит и уедет». Так и получилось. Но я не бросил, а оставил этот дом Виленской епархии.

Отец Христофор был носителем живых православных традиций, и в этом он был для нас связующим звеном в истории поколений. Когда он был еще молодым человеком, школьником, гимназистом, можно ведь было и в Тихонову пустынь попасть, и Оптину посетить. Так что у него было живое, опытное представление о старцах оптинских. Но об этом у нас с ним разговора не было – в то время мы остерегались на эту тему разговаривать.

К нему, как ни к кому другому, относилось присловье: «Где монах, там и монастырь». Вокруг него всегда собирались монашки. Монахов было у нас мало, а монашки собирались; он их, этих старушек, и постригал. Традициями он жил; как полагалось старинному человеку – не спеша, спокойно, размеренно...

Про своего папу отец Евлогий рассказывал: он был священником, и вот как-то после литургии пришел и прилег отдохнуть на лавку. В это время пришли и арестовали его. Увезли, и с тех пор он папу больше не видел.

А про себя отец Евлогий говорил, что когда он был инженером в Калуге, во время войны его мобилизовали на фронт, и уже с вещами он стоял перед вагонами; посадки еще не было, но с минуты на минуту ожидали. В это время, запыхавшись, бежит директор завода: успел все-таки! Приносит ему бумагу, в которой написано, что он оставляется для работы на этом ответственном заводе, не подлежит призыву на фронт. Так он от фронта освободился.

В большой дружбе он был с отцом Тихоном покойным. Отец Тихон (Василий Федотович Лядичев) очень талантливый был музыкант, регент церковного хора (во Всехсвятском соборе Тулы - *ред.*); он и сам сочинял духовную музыку. Друзья они были, оба калужские. О нем отец Евлогий говорил: «Он всегда пребывает в мире звуков, в мире музыки!» Благодать такая была. Люди они были очень деликатные. Я никогда не видел отца Евлогия каким-нибудь возбужденным, нервным, или чтобы он с кем-то мог ругаться, – никогда. Он не мог ругаться ни с кем. В-первых, речь у них была чрезвычайно чистая, что у отца Евлогия, что у отца Тихона. А, во-вторых, воспитаны они были совсем по-другому, чем мы в советское время. Один из элементов этого воспитания помню от Василия Федотыча. Он с детства был в Тихоновой пустыни; и вот там какой-то иеромонах проходил мимо них, а был перерыв в богослужении, и они, тогда юные, стояли на клиросе рядом с алтарем и что-то

оживленно друг другу рассказывали и смеялись. Смеялись так, что сил не было остановиться! А иеромонах, проходя мимо них, и говорит: «Как вам весело! Спаси вас, Господи!» И ушел. И смех у них куда-то пропал. Такой вот укор получили – запомнился на всю жизнь...

Отец Христофор, он же отец Евлогий, когда еще был под мирским именем отца Евгения, служил в селе Ченцово Заокского района. Он очень дорожил исторической памятью, а история этого села связана с семьей Петра Великого. Родственники матери царя открыли там какое-то предприятие; на нем работали разные люди, но в том числе и пленные шведы. Они лили заглушки, задвижки к печкам. И эти предметы сохранились к тому времени, когда отец Евгений стал служить в этом сельском храме настоятелем, и были ему дороги.

Отец Евлогий любил чай пить, как все старинные люди. Вспоминал, как маменька его, бывало, придет если к ним гость какой и мало пьет чаю, говорила: «Да вы, я вижу, не чаевник». Чаевничество было делом таким домашним, уютным; вокруг самовара ведь собирались. Телефонов не было, заходили друг к другу на огонек. Что поставишь на стол? Скорей всего, самовар. И начинается тогда русский чай знаменитый, к которому все прилагается понемножку, что в доме есть: что есть в печи, на стол мечи...

Он был не только любителем молитвы и богослужений, как человек одаренный, увлекался музыкой, мог процитировать какие-то арии...

Главное дело его жизни, конечно, была молитва. Но, когда он стал священником, и хозяйственные вопросы решал, восстанавливал храмы. Но уж когда был в Чулкове настоятелем храма Димитрия Солунского, у него там сложился актив из приличных людей такого полумонашеского настроения, и он жил в своей среде. Как в псалме: «Ты же, человече, равно душе...» – равный по духу. Равные по духу люди окружали его, и он жил в своей духовной среде.

Тихо жил. Долгое время был духовником Тульской епархии. Если кто-то там нагрешит чего-нибудь, исповедь-то примет, а потом и говорит: «А ты Владыке-то расскажи!» И человек тогда уже архиерею рассказывал о своих ошибках. Но, конечно, долг священника, духовника, тайну исповеди он свято хранил.

Отец Евлогий рассказывал мне об отце Павле Драчеве, который жил в Черкассах, село это еще называется Воронье. Вся жизнь он свято хранил в своей памяти Оптину пустынь, говорил: «Ну, так вот открылась бы, да пошел бы я, да посмотрел бы свой садик, да каждую яблоньку я бы потрогал, поцеловал бы, позаботился о ней...» Они, эти люди, жили, и это было их силой, благодатными настроениями и благодатным образом жизни современников своей юности – оптинских, тихоновских монахов, которые, может быть, даже не специально, а просто в силу своего образа жизни наполнили память, сознание и отца Евлогия, и отца Тихона, – самым своим бытием, образом жизни, рассказами...

Его живая, органичная связь с Оптиной, с Тихоновой пустынью, конечно, была. Он не мог ее не иметь – в силу своего воспитания, в силу своего мирозерцания и определенной духовной традиционности. Духовная традиционность у него была приблизительно оптинская, монастырская. Кому мог, он это передавал, никому не навязывая, но все-таки те, кто к нему прислушивались, получали духовную пользу. И не только духовную, кто-то и дельные практические советы получал.

Как удавалось отцу Евлогию хранить огонь веры, стать живым воплощением Евангелия? Сказал же Господь: будьте как дети. Вот он и был таким дитем Божиим. Старался не возмущать, не замутнять свое сознание лишней мирской заботой. То, что для дела было необходимо, – выслушивал, интересовался, советовал что-то, а потом говорил: «А вы уж там устройте как-нибудь». Житейски опытные люди были вокруг него, они все устраивали. Нужно сказать, что отец Христофор был очень скромным в жизни, никогда не роскошествовал ни в питании, ни в

чем. Но если гости к нему приходили какие, старался угостить как следует, хорошо, чтобы были довольны.

С отцом Евлогием было всегда приятно встречаться. Когда я к нему приходил в его выходные дни, он все бросал и в беседке устраивал угощение. Он вел абсолютно трезвый образ жизни. Говорил как-то, что отец Лев Наголкин, – теперь преподобный Лев, – выпивал стакан пива, – «ему для здоровья надо было». Когда отец Евлогий принимал гостей, он им все предлагал, а сам очень воздержанно себя вел, чрезвычайно воздержанно. Но я так подозреваю, что ему этого и не надо было, у него и в мыслях этого не было, – «остограмиться» или чего-то особенного поест. Он был в молитве все время. И это было большое счастье для нас, в то время тульских жителей...

Вспоминаю Тульскую епархию в годы моего архиерейства... Было 33 прихода (для сравнения, в Московской области в те годы – 133). Храмы в основном были в глухих селах. В Туле, как правило, на окраинах, кроме Всехсвятской, и в основном кладбищенские церкви, кроме Двенадцатиапостольской. Но по тем временам и это было хорошо, что четыре храма в областном городе сохранились, я этому был рад. А вот в большом городе Ефремове, где было много населения, храма не было, от него километрах в десяти, в Дубиках, находился храм, и это фактически и был храм города Ефремова. Люди туда добирались, а ухари-комсомольцы устраивали в пасхальные ночи засады – старушек пугали. И в мое время было: вокруг Всехсвятского собора в Туле в пасхальную ночь выстраивались какие-то молодцы и контролировали, чтобы молодежь не проходила на богослужения.

...Не могу сказать, что как-то физически нас, священнослужителей, в те годы притесняли, но – ничего не давали делать! Даже храм отремонтировать было большим событием, если кому-то это удавалось, говорили: повезло!

...Уже в последние годы моей службы в Тульской епархии, ближе к 1986-му, главным

человеком по надзору за верующими в области был уполномоченный совета по делам религий Андрей Крапивин. Он был отягощен всевозможными склоками на глухих приходах, в частности, в селе Хотушь Ясногорского района. Конечно, бывали там недоразумения со священниками, но бывало и так, что даже приличных священников прихожане слушать не хотели – такие «самостоятельные» были женщины. Мол, мы тут «хранительницы» веры, а ты со стороны пришел, чего тебя слушать... И вот этот уполномоченный их увещевал: «Ну что же вы своего батюшку не слушаетесь, ведь надо же, чтобы у вас мир был! Ведь это ваш пастырь, он за вас ответит перед Богом!» Сам, конечно, безбожник был. Но и такое случалось, когда уполномоченный воспитывал отдельных верующих...

...В 60-е годы, годы моей учебы, люди были еще хоть с какими-то остатками прежнего, православного воспитания, – сейчас это все испарилось. Хотя они и безбожниками были, многие коммунистами, но все-таки крещены были в церкви и родителями своими верующими воспитывались. А позже ужасная смесь была – от полного безбожия до глубочайшей веры. Как и сегодня, в общем-то. Но безбожие тогда, что было особенно плохо, было агрессивное и нетерпимое по отношению к вере и верующим. Это же было почти уголовное преступление, если архиерей интересовался возможностью открыть еще какой-нибудь новый приход! Или если архиерей потребовал, чтобы для крещения взрослых погружением были созданы условия, – я за это претерпел порицания от власти... Вот этот Крапивин наш. Он по-своему был человек необычный. Рассказывал, что его отца убили в Сибири колчаковцы, он стал беспризорником. Потом его советская власть воспитала; а как она могла воспитывать? Безбожником, чекистом был; провокации и нам устраивал – по привычке.

...Батюшка был один, служил в Любимовке, это недалеко от Богородицка. Батюшка вышел молиться о дожде. А какая-то

сельская активистка ему препятствовала. Но он не послушал, все равно пошел. Но главное было даже не в нем, главное, что женщины стали защищать батюшку и самую идею освятить поля и помолиться о дожде. А в каждом районном исполкоме был отдел по идеологической работе, они попами и занимались; один поп на район, а им занимается целый отдел! И вот дождь-то пошел, а они священника обвинили в том, что он, когда шел дождь, пошел молиться о дожде, а не о бездожде, – так все и преподнесли Крапивину. И он настоял на том, чтобы этого священника уволить. Пришлось перевести его как раз к отцу Евлогию, в Тулу. Потом мы с Крапивиним мирно беседовали, он говорил: «А мы на этом политику сделали!» То есть ему надо было отчитываться о своей работе, вот он и приписал батюшке «молитву о дожде во время дождя»...

Я думаю, отцу Христофору всегда хотелось стать священником, с юности. Наверное, изначально он хотел стать монахом. Но сначала надо было учиться – и он учился. Потом другие времена наступили, уже монахом не станешь, некуда было пойти монахом. Потом он работал на производстве. Монахом он стал уже в послевоенные годы, когда отработал, что надо было отработать, и стал «свободным человеком». Обстоятельства жизни диктовали ему свои условия, и он эти условия как волю Божию принял. А когда оказалось возможным стать священником, стал священником.

Рукополагал его Антоний Марценко. О Владыке Антонии батюшка вспоминал, как тот любил говорить: «Я ваш отец, а вы мои детки»... А когда его арестовали, он перекрестился и сказал: «Господи, и не мечтал я быть священномучеником!» Он погиб в сталинское время, в 50-е годы.

Часто отец Евлогий прозревал что-то такое, мне советы давал – духовные советы. Я старался им следовать.

Я бы с удовольствием был у него в послушании, чтобы он был архиереем, тогда бы это было нормально для меня в то время. Я

же относительно молодой еще человек по сравнению с ним был, 41 год. Но приходилось попадать в такие безвыходные – административного порядка – положения, когда, – ну, нет священников, некого послать! – и я просил его... Так я назначил его настоятелем в церковь Двенадцати Апостолов. Я подозреваю, что не то чтобы его обижал, а озадачивал своими перемещениями с настоятельством, с одной должности на другую. Но так уж было, и ничего не поправишь, не переделаешь. Видимо, на это и воля Божия была...

У нас были искренние, доверительные отношения. Я просто рад был, что есть такой человек, с которым можно рядом побыть, о духовном поговорить. Я считаю, что это большое счастье было, что я оказался современником отца Христофора в то время. И думаю, его молитвами все устраивалось. Были у меня свои трудности, и личные, и служебные, но молитвами отца Христофора как-то все устраивалось к лучшему.

...Конечно, у Бога все живы, но потеря близких людей переживается всегда достаточно трудно. Но слава Богу, что отец Христофор был. Как есть такое присловье: «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были»... С благодарностью к Богу и к людям могу сказать, что пребывание на тульской земле, в Тульской епархии в то время для меня было благоприятно, слава Богу...

Он благодушно относился ко всем скорбям. Думаю, в последние годы у него и скорбей каких-то больших не было, потому что он постоянно находился в молитвенном состоянии. Четки постоянно перебирал, молился. Однажды, помню, я его как-то пригласил, мы с ним засиделись, заговорились, потом говорю: «Отец Евлогий, может, здесь заночуете?» – «Хорошо», – говорит, и пошел, – комнатка была, где ему можно было переночевать.

...Нам с ним обоим было хорошо во время общения. И я очень этим дорожу в своей памяти. Благодарен Богу и ему, отцу Евлогию, отцу Христофору за его духовную,

отеческую любовь. Он умер – и еще одним отцом у меня меньше стало.

В древнем патерике есть рассказ о том, как один монах видел, как отлетали души

умерших братьев. И он сказал: «Я не монах, но я видел монахов». Это же самое могу и я сказать об отце Христофоре: «Я видел монаха»...

«Наполняй душу христианским теплом»

Вспоминает архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий.

...Отца архимандрита Христофора (в схиме) я знал с 80-х годов прошлого века и слышал о нём как архимандрите Евлогии, служившем в городе Туле, соимённом мне человеку, с которым меня иногда путали, когда я находился ещё в Лавре преподобного Сергия Радонежского, неся в ней послушание эконома, хотя по возрасту он был старше намного. Если архимандрит Евлогий болел, что можно было узнать из записок о нём, то меня часто спрашивали, что со мною было. Неразрывность наших имён имела своё необычайное продолжение.

С открытием Данилова монастыря в 1983 году, произведшим сенсацию в России и за рубежом, ставшим «первой ласточкой» возрождения, встретил вскоре в его стенах отца Евлогия с протоиереем о. Ростиславом Лозинским, старцев по возрасту и духу, пожелавших неожиданно для меня поступить в новооткрытую Московскую обитель. Но она ещё никак не отвечала своим будущим насельникам, находясь в крайне неустроенном виде и образуя своеобразный спецприёмник – в корпусах находились дети, мальчики и девочки от 7 лет до 20, сироты, брошенные родителями, втянутые в преступный мир. Ответить тогда старцам из Тулы было мне трудно. Однако договорились, что с обустройством первых келий в монастыре они будут приняты, хотя для этого требовалось немало времени. Ценно было здесь горячее желание сердец, всегда ищущих своего вечного Источника Бытия.

...Настал год небывалого юбилея в Церкви – 1000-летия Крещения Руси. Это празднество проходило и по епархиям. Архиепископ Тульский Максим (Кроха) пригласил меня в свой град на богослужение, посвященное всероссийскому празднеству. Тогда я нёс

послушание в Оптиной пустыни как наместник. В большом Всехсвятском кафедральном соборе при удлинённых пресвитерских рядах в алтаре по правую и левую сторону Правящего архиерея стояли два архимандрита с именами Евлогий (Никольский и Смирнов), на что обратили все внимание.

Архимандрит Христофор почитал Оптину. При ее закрытии и разрушенности он часто наезжал к ней, внутренне переживал за ее печальную судьбу. Но с открытием Оптиной он воспрял в силах, хотя ему было уже за 80 лет, и на глаза уже был незрячим. Проезжая Тулу на пути в Оптину, я заглянул в его скромный домик, где он был уже на покое. Принял он меня очень ласково, не знал, чем меня одарить, как Наместника Оптиной. Своим домашним сказал: все, что лучшее висит у меня на стенах, отошлите в новый монастырь. Иконы, картины отца Христофора я доставил в Оптину.

Наступил день вскрытия святых мощей преподобного Амвросия Оптинского, и не остался он без внимания отца Архимандрита. Он вскоре приехал и не отходил от могилы преподобного дотоле, пока не были подняты все останки святого. Как старца его посадили на стул недалеко от вскрывающих могилу преподобного, откуда он утешал всех своим проникновенным словом, цитируя наизусть все крылатые выражения оптинского подвижника, такие как: «Жить – не тужить...», «где просто, там ангелов со сто» и так далее... С первым молебном у святых мощей преподобного старец Христофор ликовал и плакал, что дождался такого часа в жизни.

Последняя встреча с отцом Христофором была у меня в день похорон отца Ростислава Лозинского, его ближайшего друга. Нет более

трогательных событий, чем расставание с теми, кто наполнял твою душу христианским теплом. Помню, как он однажды заметил, что приходская служба для него – не только молитвы в храме, но и строительство, ремонты церквей по епархии. «Только кончу ремонт в одном храме, – говорил, – владыка переводит меня в другой. Так всю Тульскую епархию прошел.

Знаю, что отца Христофора почитали далеко за пределами епархии, где он служил. Зрелая душа ощутима бывает всюду. Это был спелый плод большой пастырской жизни. Царство ему Небесное и вечный покой за труды, понесенные им в тяжелые годы советской власти. Он был человеком, стойким в вере, поставляемым Божиим Промыслом как раз в годину лютых испытаний, что не всякому бывает служителю по плечу...

Никто не смог заменить мне отца Христофора...

Протоиерей Александр Себякин, настоятель храма святой великомученицы Параскевы Пятницы в селе Тросна Щекинского района Тульской области

... Познакомился я с отцом Христофором в 1984 году, когда пришел из армии. Начал прислуживать в храме великомученика Димитрия Солунского, где тогда служил батюшка. В то время передо мной стоял выбор, по какому пути идти – по мирскому или духовному. Получил благословение отца Вячеслава Гаврилова поступать в Духовную семинарию, стал готовиться. Вот тогда мы с отцом Христофором и встретились. Стал он меня наставлять; я и в храме к нему обращался, и домой очень часто приезжал, мы беседовали, я исповедовался у него.

Чтобы поступить в семинарию, пришлось пройти много испытаний. В то время к храму, к вере в обществе относились отрицательно. И вот я, молодой, и вдруг – при храме! Этим, конечно же, сразу заинтересовались представители комсомольской организации. Приходили, смотрели, что я здесь делаю. А я начал изучать программу для поступления в семинарию, и первым пунктом там было – расстаться с комсомольским билетом. Я ведь был комсомольцем. И вот нужно было выйти из этой организации, сдать билет. Но сделать это оказалось не так-то просто! Я пришел в райком, сказал, что выхожу из комсомола, потому что верующий. Что тут началось! Меня стали запугивать, угрожать! Говорили, что ничего мне в жизни не удастся добиться, все дороги мне перекроют... И потом еще много было встреч, убеждений, предложений, угроз... Но я твердо стоял на своем. И не

потому, что был такой уж духовно крепкий. Думаю, мне помогали молитвы и благословения отца Вячеслава и отца Христофора. Кстати, история о моем «скандальном», позорном для комсомола поступке позже вышла на областное радио. Но я к тому времени уже успешно сдал экзамены в семинарию и был зачислен на первый курс.

Первые два года в семинарии я занимался только учебой, а на третьем курсе задумался, какой дальнейший путь избрать. Надо было или жениться, или выбирать путь монашеский. Была у меня тогда склонность к монашеству. Когда приезжал в Тулу, обращался по этому вопросу к отцу Христофору, но он молчал... И вот наступил четвертый год обучения. Пора уже было что-то предпринимать. И я уж совсем было собрался поступать в Оптину, – тогда только открылся этот монастырь, в нем было два монаха, три послушника, и наместником – мой преподаватель, впоследствии – Владимирский Владыка Евлогий. Он хорошо знал отца Христофора, говорил: передай от меня поклон батюшке, он тебя и благословит.

Приехал я на каникулы – и сразу к батюшке. А он и говорит: нет тебе пути в монашество!

Ну, раз так, значит, надо жениться. Спрашиваю: как мне быть, там ли искать себе будущую матушку, или здесь, в Туле? – Нет,

говорит, там никого не ищи, тебе здесь найдется...

Успокоенный, поехал я учиться на четвертый год. А батюшка дал поручение своей келейнице монахине Михаиле, чтоб она мне «искала девчонку». И вот, как она мне потом рассказывала, стала она ему называть – одну, вторую, третью... А он: нет, не то! А потом матушка Михаила как-то вдруг и говорит: вот еще такая-то есть... А батюшка сразу: вот! Пусть они и познакомятся!

Приезжаю на каникулы, и монахиня Михаила мне и говорит, что батюшка благословил с Олей познакомиться. Я ее и не знал, и не видел никогда. Встретиться нам отец Христофор благословил после службы в соборе Всех Святых, куда Оля обычно ходила. Встретились, познакомились – и такое ощущение появилось, будто мы знакомы... с детства! Сразу возникло родство душ. Я так рассудил: раз батюшка благословил, значит, это и есть тот сосуд, который мне дается...

Прошло время. Я снова уехал учиться. С Олей мы переписывались. И вот, наконец, отец Христофор благословил нас на венчание. Не хочу сказать, что все у нас шло совершенно гладко. Были и искушения. Ведь то, что дается от Бога, лукавый старается перечеркнуть. Но, когда одно из таких сильных искушений напало, я сразу же побежал к батюшке домой. Он меня отругал, сказал: нет, держись! Потом и Олю вызвал, с ней побеседовал. Что тогда ей сказал батюшка, она даже мне не рассказывала, это ее тайна...

Шел 1989-й год. После Рождества и Крещения мы и повенчались. А спустя два месяца после этого, в семинарии, я принял диаконский сан, еще через месяц – священнический. Когда сдавал последние свои выпускные экзамены, матушка приехала ко мне. Я экзамены сдаю, а она в это время молится у преподобного Сергия, вымаливает, чтобы я все хорошо сдал. Так и получилось, у меня была только одна четверка, остальные пятерки. Прямая дорога в Академию. Но я уже устал от учебы. Все-таки нагрузки там

очень большие, да к тому же я четыре года пел в хоре отца Матфея; было тяжело. И я избрал путь приходского священника.

Первым местом моей службы был кафедральный собор, где я стал ключарем. Должность – вторая после настоятеля, а я молодой, неопытный. Конечно, сразу пошли искушения. Одно дело то, чему нас в семинарии учили, и совсем другое – что видишь на приходе. Как поступить, не знаешь, совесть обличает. И я по каждому «пустяку» шел советоваться к отцу Христофору. Не то чтобы очень часто ему докучал, но когда что-то наболело, требовало разрешения, всегда приходил к нему. И те советы, которые он давал, мне очень помогали. А батюшка в своих наставлениях всегда руководствовался поучениями оптинских старцев; так через него ко мне приходили советы оптинского старца Амвросия. Это ведь сейчас столько всякой литературы издано, только читай. А тогда эти книги были нам недоступны; у батюшки же, вероятно, все эти сочинения были, вот он и делился с нами наставлениями оптинских духоносных отцов. Чувствовалось, что ему самому они были очень близки. Практически на каждый мой вопрос он находил ответ и совет именно у оптинских старцев.

Часто батюшка меня исповедовал. Исповедоваться, конечно, можно у любого священника. Но ведь одно дело – просто выслушать исповедь. И совсем другое – выслушав, наставить, объяснить, подсказать, вразумить, а то и наказать. Это я мог получить только у отца Христофора. И это было то лекарство, которое давалось мне тогда, как неопытному, и которым я по сей день дорожу.

Чуть что – я сразу к нему, а он только «поглаживает»: терпи! Учил, как мудро поступить, чтобы и самому не разгневаться, и других не прогневить. И в то же время – идти своим средним, «царским» путем, не сворачивая ни направо, ни налево. Для меня это духовное руководство отца Христофора

было тогда незаменимо. Ведь опыт приходит со временем...

Позже – это уже была моя вина – я как-то реже стал приходить к батюшке. С одной стороны, не хотелось ему докучать. Он ведь уже был очень слаб, лежал, и мне стыдно было идти к нему со своими вопросами. Хотя он все время говорил: даже если я буду принимать и исповедовать лежа, все равно – приходи. Но потом здоровье его становилось все хуже. Он неоднократно мне говорил: я становлюсь слабым, слабею и слабею, но ничего, ты крепись, держись...

...Когда отпевали батюшку, вроде бы радость такая духовная – все духовенство в белом. А у меня слезы лились из глаз неудержимым потоком! Я понимал: не к кому будет теперь прийти со своими вопросами. Мало остается таких светильников, очень мало...

Но помощь от батюшки я получил и после его земной жизни.

Как-то было очень уж трудное время. И безденежье в семье, и по службе разные прижимы. Очень было тяжело. Ехал из Венева вечером. Зима; холодно, морозно. Заехал в Венев-монастырь, пошел на могилку к батюшке. Отслужил панихиду и стал просить батюшку о помощи... Вот так лбом прижался к могилке – и просил. И буквально прошло три - четыре дня – и вся моя тяжелая ситуация разрешилась, наступило облегчение...

...В отце Христофоре прежде всего обращали на себя внимание его глаза. Глаза выдают духовность человека. По глазам о человеке многое можно узнать; глаза отца Христофора – светились, хотя он уже и был слеповат...

Сейчас вот думаю – какое же это было счастье: вот так, держа его под руку, идти с ним рядом, как мы ходили, бывало, по кладбищу возле храма Димитрия Солунского. Но тогда я в полной мере этого не осознавал. Сейчас понимаю, что можно было бы и больше взять от него. Сейчас я с ним совсем по-другому бы разговаривал... А в то время я только вступал в ограду церковную, многого не понимал. День у меня был расписан по

минутам: после службы – читал Псалтырь, Апостол, готовился к вечерней службе, по ночам часто дежурил в храме, был кочегаром... Тот год моей жизни, по сути, был как монашеский, только храм, молитва, послушания. И только сейчас я понимаю, как важно было, что батюшка меня тогда поддерживал. Конечно, много других священников было рядом, но на отце Христофоре был тот отпечаток старчества, который накладывает на человека углубленная молитвенная жизнь. Увидев его, как-то сразу понимал, что перед тобой человек не простой, а умудренный духовным опытом...

Его отличала особая и в то же время очень простая манера богослужения. В алтаре батюшка всегда призывал всех молчать. И сам говорил только то, что было необходимо по службе. Смотришь на него: только левая рука работает – перебирает четки. И этот его углубленный низкий поклон, сама поза его была – духоносная: согнувшись, закрыв глаза, перебирает четки, весь в молитве. После службы разоблачается, и опять – закрыв глаза, перебирает четки. Его молитвенное состояние передавалось другим, как сказали бы современные люди, эта его «энергия», а точнее – благодать, – ее невозможно было не увидеть, не почувствовать. А, почувствовав, нельзя было и самому не измениться: окружающий мир для меня, конечно же, существовал, но я стал относиться к нему, как к чему-то постороннему, маловажному. Целью и смыслом моей жизни стал храм...

У батюшки была и особая голосовая манера, и певческий дар, и в этом он мне тоже помогал – учил, как читать, как петь. Благодаря его наставлениям я и смог петь потом в хоре отца Матфея, а ведь попасть туда было непросто, особенно если учесть, что до поступления в семинарию я был человеком, никогда не певшим, не знавшим певческой грамоты.

Отец Христофор был очень прост в обращении с людьми, со всеми – священниками, мирянами, очень доступен. Когда ему приходилось бывать в большом

обществе за трапезой, он и вел себя соответственно той обстановке, которая его окружала. Не старался выделиться, выпятить свою духовность, мол, вы тут все разговариваете, а я молюсь. Но по большей части все-таки молчал. Даже и в своих наставлениях батюшка был немногословен. Советы давал не в словесном изобилии, а только – суть. Всегда на вопрос отвечал прямо.

...Когда батюшки не стало, никто не смог мне заменить отца Христофора. Не хочу никого укорять, но и в монастырях сегодня,

приедешь – такая спешка. Ни у кого нет возможности для обстоятельной беседы. Все бегом, бегом, словно конвейер. А отец Христофор всегда имел терпение выслушать, даже если я приходил в то время, когда он только ложился отдыхать. Никогда не отказывал: устал ли он, не устал, всегда принимал. Всегда выслушает, наставит, подскажет, как поступить. И уходишь от него успокоенный, душу ему выложишь – и лекарство получишь, идешь домой, чтобы этим лекарством пользоваться. Заменить его сегодня – некому...

Милостыня и молитва – самое главное

Вот уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как почил старец Христофор, почитаемый и любимый всей православной Тулой. А наставления, поучения, советы батюшки продолжают жить – в благодарной памяти людей, в оставшихся записях его бесед с духовными чадами. Слова отца Христофора звучат так, словно были сказаны вчера и обращены к нам, сегодняшним, даже и не знавшим батюшку... Предлагаем читателям отрывки из одной такой беседы.

– Батюшка, подскажите, как быть. Недавно на исповеди была одна женщина, из верующей семьи. Три года назад тяжело согрешила: сделала два аборта. Раскаяние у нее сильное. Что надо было ей посоветовать в таком тяжелом случае, как поступить?

– Ей нужно прежде всего творить милостыню – это особенно. И, как учил батюшка Серафим Саровский, 150 раз в день молитву «Богородице, Дево...» Милостыня и молитва – самое главное. Хотя бы по кафизмочке в день читать, Евангелие читать неотменно, ежедневно. Как батюшка Амвросий говорит: «Читай понемножку, прожевывай». Никого не осуждать, батюшка говорит: неосуждение есть без суда спасение.

У нас надежда вся – на наших утешителей, мы на них смотрим, и они нас ободряют. Кто эти утешители? – Блудный сын, блудница... Апостол Павел прежде был кем? Гонителем христиан. Разбойник, мытарь – вот наши утешители, на них у нас вся опора. Но только они изменили свою жизнь! Они стали другими. Так и ей нужно: изменить свою жизнь и стать другой. Творить милостыню – но не тем людям, которые на вино просят.

Нет, найти семью бедную, и помогать. Господь такую милостыню принимает, все равно что Ему даешь. И читать: Евангелие, Псалтырь, «Богородице, Дево»...

Мне пришлось однажды читать такую заметку. Батюшку пригласили напутствовать умирающего. Тот ему и говорит: «В углу находится темное сгущение, и оно все время ко мне приближалось. Сначала у меня руки отнялись, потом язык – враг сковал меня всего. Я стал умственно произносить Иисусову молитву – все стало «развязываться». Смог креститься. Но он опять стал в свое место – и не уходит. А когда я прочел «Богородицу», он исчез». Богородицу враг боится, как огня!

Так пусть эта женщина и замаливает свой грех: милостыней, молитвой, чтением. Но при этом рассудительность обязательно должна быть, рассудительность – выше любви. Пусть найдет такую семью, где, может, бабушку старенькую обижают, тяготятся ею. Сошьет для нее белье, принесет творожку, еще что-то сделает – да так, чтобы считать это для себя за великое счастье!

Еще надо переносить разные оскорбления с терпением. Батюшка Амвросий так сказал: «Когда тебя хвалят, то тебя крадут, а когда тебя корят – тебя дарят». Как это понимать? – Когда тебя хвалят, у тебя честолюбие появляется, тщеславие – тонкая гордость. А когда тебя корят, тебе показывают твои слабые места. Ты должен обратить на них внимание и укрепить. Нет у тебя терпения? Терпи. Нет смирения и кротости? Не выдерживаешь обиды? Смирись! К одному святому старцу пришли, и давай его поносить: ты блудник, такой-сякой... Он и говорит: да, вы правду сказали, я таков и есть. Но если бы вы еще в мое сердце посмотрели, вы бы сейчас мне в лицо наплевали! Те и ушли... Вот так терпеть скорби надо – незлобиво. «Аже незлобив ходи, и Господь прият мя». Только незлобивых Господь принимает.

И еще: «прильпне язык к гортани моей». Вот-вот. На это обязательно надо обратить внимание – на язык. У апостола Иакова на язык обращается особое внимание. «Мал язык, а он управляет всем нашим телом. В многоглаголании несть спасения». О том же и в наших поговорках сказано: «Слово – серебро, а молчание – золото». «Ешь кашу с грибами, а язык держи за зубами». Наши старые, мудрые люди, они ведь много не говорили. Но были поучительны, воспитывали нас. А теперь – болтовня, распушенность в разговорах...

...Да, вот это ей нужно: изменить свою жизнь в корне! Только в уныние не впадать, потому что даны нам примеры: блудница, разбойник, мытарь – все это дано нам в утешение. Господь всех принимает; Он не к праведникам пришел, а грешников призвать на покаяние. Но они-то признали свои грехи!

Пророк Давид говорит: «И грех мой предо мною есть выну». Всегда, значит. Хотя и простил его Господь, но он его не забывал – «грех предо мною есть выну». А апостол Петр? Всегда у него глаза были красные; особенно когда петух запоем, – всегда он плакал, хотя и ему простил Господь его грех, но он его все равно помнил и плакал! Так и ей надо сказать: знай, что Господь тебя простил, но – «грех мой предо мною есть выну»! Надо

его помнить, чтобы не возноситься, а смиряться. «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем». Вот чему учиться надо, кротости и смирению. Это Божественными устами говорит нам Сам Господь Христос!

– А можно ли причащаться этой женщине?

– Пусть причащается. Добрые дела пусть творит, милостыню и молитву. Грех помнить, но духом не унывать. Уныние, забвение, неразумие, нерадение –

батюшка Амвросий говорил, что это четыре исполина, которые нами владеют. Забвение – то есть забываешь о том, что нужно начало благое положить. Нерадение – беспечность, лень... Нужно против этого вести борьбу...

...Вот, ко мне часто приходят и говорят: батюшка, хочу в монастырь. Но ты же имей в виду, что в монастырь идешь не в дом отдыха, а в дом подвигов! Там ты должен будешь бороться против своих немощей. Там, где тебя будут гладить по головке, терпению, смирению и кротости не научишься. А вот когда «против шерсти», тогда и будешь учиться быть смиренной и кроткой.

Октябрь 1996 г.

– Батюшка, как часто надо причащаться мирянам?

– Батюшка Серафим учил: чем чаще, тем лучше. По двенадцатым праздникам – обязательно! А так, я бы сказал – раз в сорок дней. Когда посты, и каждую седмицу можно. Нам это сегодня особенно необходимо, потому что наступило такое время, о котором сказано – «близ есть, при дверех». Нам надо себя сейчас укреплять...

– А сама подготовка к причастию, пост сколько должен длиться?

– Хотя бы два дня... Дело ведь не столько в посте, пост – не конечная цель. Пост, молитва – это подготовляющее нас к принятию благодати, благодатного состояния. Пост – это не как невкусение скоромной пищи, а как освобождение духа от телесной власти! Пост и молитва помогают нам освободить дух от телесного влияния, а конечная цель – благодать Божия. Три дня лучше готовиться, а уж два дня – непременно. В пятницу, субботу попоститься, а в воскресенье – приобщаться...

– А правило перед причащением – обязательно?

– Правило требуй! Это необходимо.

– Сейчас столько книг издается святых отцов. Какие – самые главные, что научают нас спасению – для монашеской жизни? У Вас, батюшка, кто из святых отцов был самым почитаемым?

– Батюшка Серафим Саровский, батюшка Амвросий...

– Нам их наставления надо перечитывать?

– О, у них богатые наставления! Батюшка Амвросий для простецов, простым словом, не богословским, говорил. Он говорил: молись хоть сзади, да в одном стаде! А батюшка Серафим учил: не осуждай! Когда будут тебе про кого-то что-то говорить, скажи: я сама-то с собой не разберусь, а их Господь разберет – от тебя и отойдут.

У батюшка Амвросия рассудительность была. Пришел к нему Лев Николаевич Толстой – в рубахе, с котомкой. А он посмотрел на него: ну и что? Внешнее без

внутреннего мало что значит! Не смотрел, кто перед ним – граф или мужик. Говорил напрямую.

– Батюшка, а с унынием как бороться?

– Молитва! Труд и молитва. «Скука – уныния внука, а лености дочь, чтоб отогнать их прочь, в деле потрудись, Богу помолись. Скука уйдет, и уныние пройдет». Надо потрудиться и помолиться. К сему кротость и смирение прибавишь, и от адских мук себя избавишь, – так батюшка Амвросий говаривал...

– Батюшка, иногда чувствуешь ревность такую, а потом остываешь... Как себя возбуждать к молитвенному горению?

– Надо заставлять. Врагу, бесу твоя ревность тошна, и он на тебя навевает все это... Перебарывать себя надо. Становись и читай Иисусову молитву. Серафим Саровский говорит: первую половину дня – Иисусову молитву, а вторую половину – Богородицу. Но враг сначала будет мешать, и зевота будет, и все что угодно, потому что молитва бесу тошна! Молитва для него – это огонь!

– А с тщеславием как бороться? Иногда что-то хорошее получится сделать – Господь так устроит – а бес и нашептывает: вот, как хорошо... Внутреннее самовосхваление такое...

– А ты скажи: «Господи, по Твоей милости, не сам я это сделал, Ты меня вразумил! Благодарю Тебя, Господи!»! Сознай, что это не ты сам, а Господь тебе помог... Архимандрит Моисей учил: никогда не говори – «Я буду молиться»! – «Обязан молиться»! А то тщеславие появится: «Я»! «Молиться»!..

– Батюшка, а как Иисусовой молитвы придерживаться?

– На этот счет есть оптинское правило о пятисотнице. Иисусова молитва нам нужна, как воздух. Мы должны дышать этой молитвой! И «Богородицей» – ее враг боится. Вот и батюшка Серафим Саровский говорит: «Читай «Богородицу» по 150 раз в день. Идешь на работу, на послушание, а сам читай...

Одной монахине, подвижнице было вразумление: пойдя в село к одной светской женщине, поучись у нее. Она удивилась: чему же я у нее могу научиться? Но пошла. Нашла ее, видит, та стирает белье, а вокруг нее стоят дети. Монахиня и спрашивает: «Расскажи, как ты живешь»? – «Да вот, стираю белье – детей-то прокормить, воспитать надо. А я стираю белье, а сама Иисусову молитву читаю»... Тут подвижница и поняла, что эта женщина и трудится, и молитва у нее идет! И смирилась.

Идешь ли, едешь ли куда – твори молитву. «Богородицу», конечно, нужно устами читать. Отцы учат, что только «Господи, помилуй» можно произносить умственно, а «Богородицу» и Иисусову молитву – устами, хотя бы шептать, но чтобы никто этого не замечал. А на людях – «Господи, помилуй» – про себя, умственно.

– Почему это так важно?

– Так отцы учат. Говорят, иначе можно повредиться.

– Батюшка, вот еще насчет гнева – как быть? Когда видишь среди братий то одно, то другое неисполнение, – гнев бывает...

– «Гневаясь, не согрешайте»! В Псково-Печерской лавре был отец благочинный архимандрит Александр. Так у него всегда один тон был – не выше, не ниже. Правило оптинских старцев такое: будь к себе строг, а к братьям снисходителен...

– Какова должна быть мера сна?

– Малая мера сна – 4 часа в сутки, и больше 7 часов не спать, – так учат оптинские отцы.

– Как молиться за пьющих родных?

– Перед чудотворной иконой Божией Матери «Неупиваемая чаша», в Серпуховском монастыре она есть. Молебен заказать, водички святой взять...

– Что посоветовать людям, если у них брак не венчанный?

– Если брак не венчанный, пусть живут как брат с сестрой. Выше Евангелия я в этом вопросе быть не могу, а там все сказано...

– Батюшка, как монашествующим спасаться?

– Кротость, смирение, терпение и труд. Ко всем быть снисходительным, а к себе строгим.

– Батюшка, что делать, чтобы в храме не рассеиваться во время молитвы?

– Серафим Саровский учит: открой глаза и посмотри на свечу. Как горит свеча – так и ты молись. Если не все слова до тебя доходят, нужно самому в это время молитву читать – лишь бы зря не стоять. Молитву нужно любить. «Бодрствуйте и молитесь, да не внидите в напасть...»

– Сейчас в нашей стране такая преступность, так много нечестных людей, убийц, стяжателей – как нам с этим жить?

– Всем все прощать. Они – люди больные. Как врач относится к больному? Он лечит его, он не смотрит на то – какой он, что он... А лечит его. Так и мы лечить должны – любовью, снисходительностью. Он больной, он болен душою, не умеет любить, значит, что же? Ему нужен духовный врач – наша молитва и наше самое любвеобильное отношение к немощам человеческим. К этому прибавить также слова, сказанные Самим Господом нашим Иисусом Христом: «Заповедь новую даю вам... Да любите друг друга». Значит – «Возлюби Господа Твоего всем сердцем своим, всей душою своею, всем разумением своим, и ближнего своего как самого себя. В этой заповеди весь закон и пророки». Вот что я вам, мои дорогие, могу сказать. Я от себя ничего не могу сказать. Я только могу сказать то, чему нас учит Божественный наш учитель. Сам Господь наш Иисус Христос учит, чтобы жили мы все в любви, в согласии, друг другу уступили, помогли, и тогда хорошо будет и нам, и тем, которые просят нашей помощи. Вот, спаси вас Господи, мои милые.

Главный редактор: Марина Александровна МИХАЛЁВА

Редактор: Марина Станиславовна ГОРЧАКОВА.

Выпускающий редактор: протоиерей Игорь АГАПОВ.

Технический редактор: Екатерина ПРОНИНА.